

У НАС
В ГОСТЯХ

РОСТИСЛАВ ПЛЯТТ

присущим творческому темпераменту Плятта? Это очень любопытно.

Нет, это оказалось не просто любопытно. Это оказалось замечательно, превосходно!

Пьеса Н. Вирты «Дали неоглядные...» несколько необычна по своей форме. Многие сцены ее, а чаще фрагменты цементируются, если так можно сказать, комментариями автора. Но Автор по пьесе — не бесстрастный растолковыватель или повествователь. Он и участник многих сцен и в то же время наблюдатель — живой, заинтересованный, негодующий, сомневающийся, восторженный.

Этот простой интеллигентный человек, такой же, как десятки сидящих в зале, вышел перед занавесом и очень тепло, взволнованно сообщил нам, что встретил в селе замечательных людей с интересными судьбами, что сам он был захвачен событиями, которые окружили его новых знакомых, и потому не может не рассказать обо всем этом нам, зрителям.

Вероятно, очень велика у Ростислава Плятта сила воздействия на собеседника, необычайно выразительны интонации, так как уже через несколько минут мы с нетерпением ждали и встречи с людьми, полюбившимися Автору, и развития событий в колхозе «Крутые горы», и новых встреч с Автором, всей душой расположившим нас к себе.

С каждой сценой эта симпатия растет.

...Он впервые попадает в дом к своему знакомому — будущему герою спектакля агроному Хижнякову. Он случайный свидетель бесцеремонной атаки Валерии Хижняковой на честь и совесть своего мужа. По какому-то неприметному жесту, по укоризненному взгляду мы догадываемся, какое невеселое раздумье вызывает у этого случайного свидетеля обывательская возня Валерии и угрюмая покорность Хижнякова. Вместе с Ав-

тором нам тревожно за героя: неужели супруга опутает мешанскими тенетами эту самобытную, одаренную натуру?

Но до чего же тепло познакомил нас Плятт с Ракитиной! Как рад он встрече Хижнякова с нею! Как лукаво кивнул нам, в зрительный зал, словно птицу радужную из рук выпустил, — а ну-ка, ловите! И мы теперь ни на секунду глаз не будем спускать с этой пары: по всему видно — быть здесь большой любви.

Есть у Автора—Плятта свой наблюдательный пункт в спектакле — приступочка у края сцены. Сколько бурь душевных видит она за вечер! Почти на самом краешке, как на углях, сидит на ней Автор, когда идет бурное колхозное собрание. Вот-вот он бросится на выручку своему герою. В раздумье присядет он здесь, приглядываясь к Ксении Ивановне. А потом так задумчиво расскажет нам об этой женщине, что она в десять раз станет для нас краше.

И с какой хорошей человеческой радостью и любованием будет следить со своей приступочки Плятт за чуть-чуть смешной и очень трогательной сценой объяснения в любви Насти и Ефима.

Когда же окончится спектакль и мы покинем театр, пожалуй, дольше всех с нами останется Автор—Плятт — его мужественное волнение за судьбы героев, его проникновенность в характеристике их, его патетика и пафос в повествовании о делах советских людей и даях неоглядных нашей прекрасной жизни.

И другой чудесный творческий подарок привез нам Ростислав Плятт—Пеллиcano в спектакле «Корнелия» по пьесе итальянского драматурга Чорчоллини.

...У Корнелии, пожилой женщины, день рождения. С утра ее поздравляют друзья и знакомые.

Вот один из гостей медленно поднимается по лестнице. Сначала мы

видим его черную шляпу, потом резкий профиль с колючими моржовыми усами, с тяжелым подбородком и глубоко запавшими глазами. Затем появляются плечи, стянутые тесным пиджаком, руки, намного вылезшие из узких рукавов и неуклюже, явно непривычно держащие торт и бутылку вина. Наконец, гость виден нам весь — высокий, нескладный, с неторопливой и очень тяжелой походкой.

Это Пеллиcano—Плятт. Мы ничего еще не знаем о нем, он только что вошел в комнату. Но во всем облике этого крупного, с нажимом ступающего человека есть что-то казенное, официальное, полное напускного достоинства. Теперь Пеллиcano заговорил. Голос у него густой, медлительный, слов немного и выжирает он их из себя с трудом, как будто мысли в голове у него разбрелись в разные стороны, и нужно усилие, чтобы собрать их вместе.

И вдруг в голосе и жесте Пеллиcano. Смущенно он поздравляет Корнелию и растроганно, неловко принимает поздравление от нее. У Пеллиcano сегодня тоже день рождения.

Мы узнаем, что он давний, давний друг Корнелии, шафер на ее свадьбе с покойным мужем и верный, преданный обожатель ее с юношеских лет. Давно ждет этот неуютный, одинокий человек своего счастья. Он говорит об этом Корнелии уныло и одностонно и, конечно, не встречает никакого отклика. Корнелия живет памятью о муже и счастьем своих сыновей.

Мы видим, как безуспешно пытается Пеллиcano объяснить ей, что у сыновей свой сложный и далеко не счастливый мир. Но слов у него мало, они такие же неуклюжие, как их хозяин. Он пытается помочь себе руками. Но эти руки — боже мой, какие поразительные руки! — не двигаются в кисти. Они необычайно тя-

желы, скованы, точно всю жизнь привыкли сжиматься только в кулак, и, как их ни расправляй, они все смотрят внутрь.

Все эти слабости старого друга дома хорошо знают сыновья Корнелии. Они бесцеремонны с «фараоном»: оказывается, Пеллиcano—полицейский, и они открыто насмеются над ним. И он это видит. Скорбная складка ложится у него между глаз, вот-вот вспылит старый служака.

Нет, не вспылит. Он беспомощно косится в сторону Корнелии—чего не выдержишь ради нее! — и прячет в свои моржовые усы невеселую улыбку.

Вторично у нас на глазах поднимается в дом Корнелии верный Пеллиcano. На этот раз он в полицейской форме, и шаги его еще тяжелее, чем раньше. Мы видим, что трудно, ох, как трудно входить ему в эту дверь. Неудобный, сумрачный стоит он в тяжелом раздумье. Входить ли? Надо входить. Дверь эта, всегда, бывало, небрежно открытая, теперь заперта. В доме многое переменялось. Сыновья Корнелии, доведенные до отчаянья безработицей и унижением, стали на опасный путь. И сегодня по-другому входит Пеллиcano в комнату. Хмур его взгляд, и глаза колочо обшаривают углы. Пеллиcano знает, что старший сын Корнелии Нино занимается темными делами, и пришел он с обыском. Ему предстоит арестовать Нино — служба требует того. И уже не добродушно, как прежде, говорит он с Нино, а как на допросе — пытливо, хлестко, беспощадно. А вот и рука его тяжело, привычной мертвой хваткой легла на плечо преступника. Свирип Пеллиcano-полицейский!

Но на пороге появилась Корнелия, и мгновенно обмяк ретивый бюстгетель порядок. Мы видим, как сложно борются в этом человеке два чувства — безупречного службиста, ревнителя своего долга, и простодушного, как собака, преданного женщине друга.

Отчаяние, мольба и смятение в глазах Пеллиcano — ведь стоит сказать

Корнелию правду, и она не станет его оскорблять и можно будет выполнить свой служебный долг — арестовать Нино, остаться в почете у начальства. Ведь от этого зависит судьба самого Пеллиcano: ему осталось служить до пенсии всего один год.

Какая буря у него в груди! И все-таки ничего не сказал Корнелии Пеллиcano, так и ушел, согнувшись, точно придавленный свалившимся на него непосильным бременем. И в третий раз поднимается по лестнице, опять в день рождения Корнелии, все тот же Пеллиcano. Да, он все такой же. И не такой. Опущены плечи, грузная походка стала еще более тяжелой. В нерешительности топчется он у дверей — примут ли, ведь в последний раз выгнали? А когда сел он рядом с Корнелией и устремил на нас в раздумье невеселый взгляд, что-то очень человеческое в нем тронуло наше сердце.

Как бы между прочим сообщил он, что уезжает. Куда? В глухую провинцию. Почему? Понизили в должности. За что? Корнелия догадалась, за что: Пеллиcano не арестовал Нино, он принес все свое будущее в жертву ее семье. И Корнелия оценила преданность старого друга. Она готова поехать с ним, разделить несладкую его долю, стать его женой... Пеллиcano медленно повернул голову в ее сторону. Сомнение, признательность, укор, нежность и тоска, безысходная тоска застыли в этих скорбных глазах! И почти спокойно, только с тяжелым вздохом сказал: «Нет».

Нет! Потому что навсегда в нем победил полицейского простого сер-

дечный человек. А этот сердечный человек разделяет заботу Корнелии о ее сыновьях. И когда он говорит ей, что она должна вначале навести порядок в своем доме, что только она одна может вернуть сыновей на правильный путь, — речь его, по-прежнему медлительная, полна теперь убедительности, большой внутренней силы, а неловкая нежность чиста и целомуудренна.

Все в том же облике трудного, нескладного неудачника, но неудачника-победителя покидает Плятт—Пеллиcano сцену. В течение трех часов он жил на ней для нас в необычайно интересном, сотканном из сотен тонких штрихов характере. И мы от всей души благодарны за это большому, талантливому актеру.

Ростислав Плятт — мастер необычайно яркого многопланового характера, большой внутренней теплоты, широких обобщений. Каким бы ни было его творческое задание — герой спектакля, радиосценарийки, кинофильма — оно всегда выполнено своеобразно, неповторимо выразительно, полно мягких полутонов. Потому и неизгладимы в нашей памяти его старый учитель из радиосценарийки по рассказу Яна Дрды, Холостяк и Бундцов из кинокомедий «Подкидыш» и «Весна», извозчик Янек из кинофильма «Мечта», импрессиарио из киноповести «Убийство на улице Данте» и десятки других бесподобных образов.

Потому мы и радуемся каждой встрече с творчеством Ростислава Плятта, ждем ее и принимаем как ценный вклад в сокровищницу прекрасного советского искусства.

А. БЫСТРОВА.

НА СНИМКАХ: слева — народный артист РСФСР Р. Я. Плятт; справа — он же в роли Пеллиcano.